



*Все сказки
старого
Вильнюса*

ИВЖС

*Все сказки
старого
Вильнюса.
До луны и обратно*

ФРАИ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Дизайн макета В.Половцев

Дизайн обложки Е. Петрова

Фрай, Макс

Ф82 Все сказки старого Вильнюса. До луны и обратно (репринтное издание) / Макс Фрай. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 768 с. — (Макс Фрай: подарочное издание).

ISBN 978-5-17-164522-9

Имя Макса Фрая уже известно всем ценителям хорошей литературы, а «Сказки старого Вильнюса» — один из самых известных и ожидаемых циклов современного фэнтезийного мира.

Эта книга — подарочное издание, в котором написанные от руки авторские комментарии и эксклюзивные фотографии Вильнюса, сделаны лично автором.

«В Старом городе Вильнюса, как выяснилось, сто сорок семь улиц, переулков, площадей, рынков и мостов; зная характер нашего города, мы не сомневаемся, что это число еще не раз изменится, здесь у нас чуть ли не каждый день что-нибудь появляется и исчезает, а всем кажется, всегда так и было — это одно из правил нашей тайной повседневной игры...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-164522-9

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2024

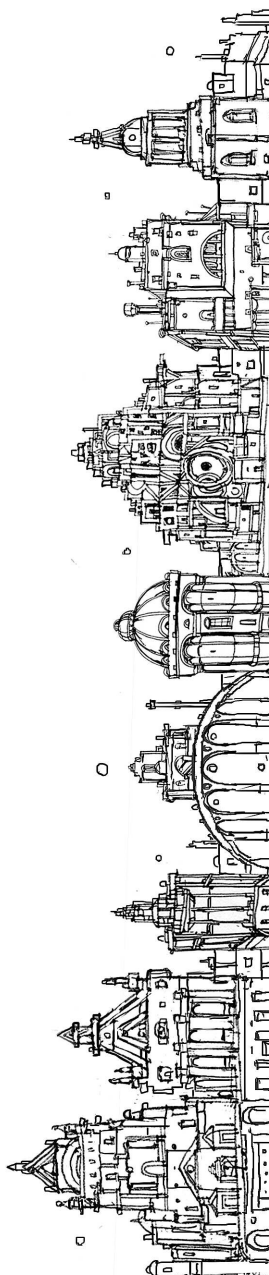
Улица Агуону (Aguonç g.)

Белый ключ

Правильно заваривать чай его учил Зденек в те смешные времена, когда на паях с приятелем открыл чайный клуб (прикинь, какой приколот: почти сто сортов чая и больше ничего, ни вина, ни сэндвичей, ни печенья какого-нибудь, ни даже кофе, только чай, а народ все равно ходит, мест свободных нет).

Без практики знания быстро вылетели из головы, остались только бессмысленно красивые формулировки: «жемчужные нити», «рыбьи глаза», «шум ветра в сопках», «белый ключ». Все это разные стадии кипения воды; лучше всех запомнил «белый ключ». Во-первых, его легко определить, это когда закипающая вода становится мутно-белой, а во-вторых, именно в этот момент и следует заваривать чай; кофе, кстати, тоже — если используешь френч-пресс. Очень важно успеть, пару секунд спустя уже будет поздно. Китайцы называют крутой кипяток «мертвой водой», вроде бы в ней остается слишком мало кислорода или что-то вроде того.

Выражение «мертвая вода» его впечатлило, всегда был излишне чувствителен к словам. С тех пор всегда покупал прозрачные чайники и кипятил воду только в них. Стоял у плиты, замороженно смотрел, как со дна поднимаются мелкие пузырьки, постепенно складываются в тонкие нити, а потом их становится так много,



что вода белеет, словно в нее добавили молоко, вот в этот момент и пора убирать чайник с огня.

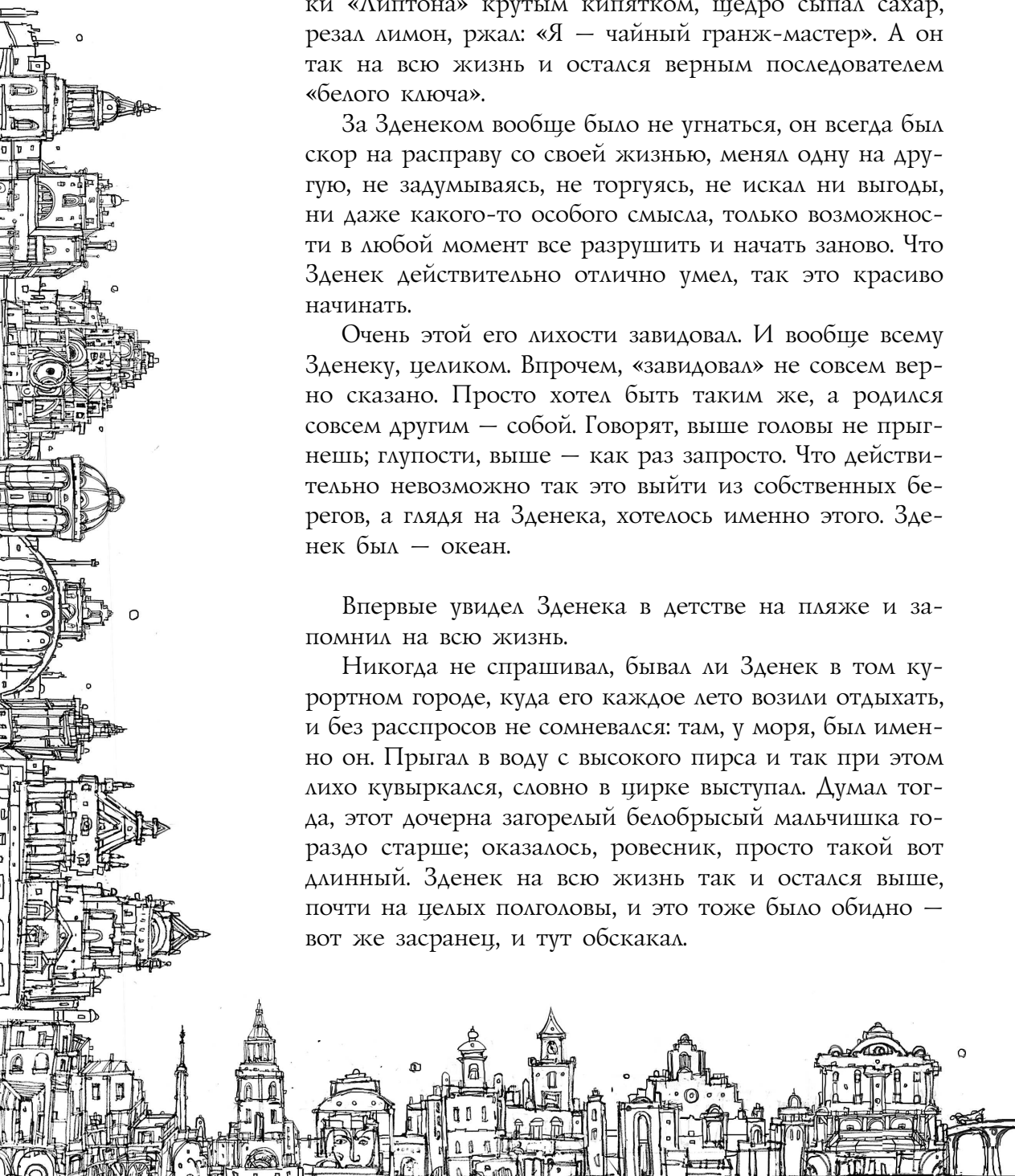
Сам Зденек быстро утратил интерес к чайным церемониям, демонстративно заливал бумажные пакетики «Липтона» крутым кипятком, щедро сыпал сахар, резал лимон, ржал: «Я — чайный гранж-мастер». А он так на всю жизнь и остался верным последователем «белого ключа».

За Зденеком вообще было не угнаться, он всегда был скор на расправу со своей жизнью, менял одну на другую, не задумываясь, не торгуясь, не искал ни выгоды, ни даже какого-то особого смысла, только возможности в любой момент все разрушить и начать заново. Что Зденек действительно отлично умел, так это красиво начинать.

Очень этой его лихости завидовал. И вообще всему Зденеку, целиком. Впрочем, «завидовал» не совсем верно сказано. Просто хотел быть таким же, а родился совсем другим — собой. Говорят, выше головы не прыгнешь; глупости, выше — как раз запросто. Что действительно невозможно так это выйти из собственных берегов, а глядя на Зденека, хотелось именно этого. Зденек был — океан.

Впервые увидел Зденека в детстве на пляже и запомнил на всю жизнь.

Никогда не спрашивал, бывал ли Зденек в том курортном городе, куда его каждое лето возили отдыхать, и без расспросов не сомневался: там, у моря, был именно он. Прыгал в воду с высокого пирса и так при этом лихо кувыркался, словно в цирке выступал. Думал тогда, этот дочерна загорелый белобрысый мальчишка гораздо старше; оказалось, ровесник, просто такой вот длинный. Зденек на всю жизнь так и остался выше, почти на целых полголовы, и это тоже было обидно — вот же засранец, и тут обскакал.



А в тот день смотрел на него, открыв рот. Сам прыгать с пирса не стал, понимая, что на фоне белобрысого акробата будет выглядеть неуклюжим мешком. Потом до отъезда тренировался, чтобы тоже так научиться. В конце концов, более-менее получилось, однако особой радости не принесло. Во-первых, где теперь тот белобрысый мальчишка, поди его отыщи. А во-вторых, даже если объявится, ясно, что не станет сидеть в стороне и восхищаться его кувырками.

А на меньшее был не согласен.

Вспомнил об этом несколько лет спустя, когда Зденек пришел в их класс — посреди учебного года, видимо, семья внезапно переехала; впрочем, какая разница, главное, что в классе появился новенький, длинный, белобрысый и такой загорелый, словно на улице стояло лето, а не дождливый ноябрь.

Сразу его узнал и понял, что это шанс. Незаметно открыл окно, вышел из кабинета, обогнул здание школы, каким-то чудом, цепляясь за карнизы, вскарабкался на подоконник третьего этажа. Ему тогда здорово повезло, что не свалился, потому что проделывал этот трюк в первый раз.

Ввалился в класс через окно, сразу после звонка, как ни в чем не бывало, поздоровался с математичкой, вежливо извинился за опоздание и сел на свое место; нечего и говорить, что это был настоящий триумф. Его, конечно, таскали к директору и родителей вызывали, мать перепугалась до смерти, дома был страшный скандал, но все это не имело никакого значения, потому что Зденек смотрел на него примерно так, как он сам когда-то на пляже, с плохо скрываемым восхищением — во дает!

На третий день знакомства они подрались; теперь уже не вспомнить, по какому поводу и был ли он вообще. Драку, можно сказать, свели вничью: Зденек был



сильнее, а в нем оказалось больше злости, о которой до того дня даже не подозревал. Потом, конечно, подружились, как это нередко случается после подобных драк, которые на самом деле не столько выход агрессии, сколько исследование: кто ты? И кто я, когда я рядом с тобой?

Это была странная дружба; впрочем, наверное, любая дружба странная, когда смотришь на нее не со стороны, а будучи одним из действующих лиц. Откуда вдруг возникает прочная связь между двумя чужими людьми? Чем скрепляется, пока длится, почему так радует и дает столько сил? Как вообще все это работает? Черт его разберет.

Потом, много позже, став взрослым, почти пожилым человеком, говорил, что дружба — это неосознанная, но очень храбрая попытка установить личные отношения с, условно говоря, богом, используя другого человека в качестве средства связи. Всегда провальная, никогда не напрасная.

Впрочем, вряд ли важно, что он там говорил. Слова — это только слова, даже если удачно подобраны. Правда настолько больше слов, что в человека не помещается. Человек — мелкое озерцо, в лучшем случае море. Правда — всегда океан.

Ладно, это была странная дружба, а как еще сказать. Даже не то чтобы постоянное соревнование, скорее выступление, нескончаемые танцы на глазах друг у друга. Оба в результате стяжали сладкую славу неуправляемых хулиганов, при этом школу он закончил с отличным аттестатом, хотя прежде имел твердую репутацию «способного, но ленивого» троечника, как, наверное, все нормальные дети, которых никто ничем толком не сумел заинтересовать. Но мычать и бляеть у школьной доски на глазах у Зденека, обладавшего феноменально цепкой памятью, было бы невыносимо, поэтому при-

ходилось зубрить все, включая ненавистные языки, которые этому гаду давались с полпинка, как бы сами собой. Дозубрился до того, что несколько раз решал за друга особо сложные задачи по физике. Засчитал себе как победу; что думал по этому поводу Зденек, так никогда и не узнал.

Это продолжилось в университете. На вступительных экзаменах сами толком не понимали, чего хотят больше: учиться вместе или все-таки утереть другому нос, оставив его за бортом. В любом случае поступили оба, причем как-то на удивление легко, особенно если вспомнить, сколько дешевого белого вина выпили в ходе подготовки к экзаменам, демонстрируя друг другу гигантские размеры болтов, якобы забитых на учебу. На самом деле оба, конечно, зубрили, как проклятые — в лютном похмелье, врозь, по утрам.

Их преподавателям и сокурсникам, можно сказать, повезло; по крайней мере, скучно не было. Хотя, вспоминая их со Зденеком выходки, шутки и перепалки, догадывался, что, с точки зрения окружающих, все это было немного чересчур утомительно. Да и для него самого, даже тогда — перебор. Но куда деваться, если где-то рядом вечно болтается Зденек, и его надо как минимум приводить в изумление. В идеале — восхищать.

Долгое время был уверен, что Зденек совсем не старается его поразить. Думал, он сам по себе такой — парадоксальный, блестящий, феерический. Кумир девушек в возрасте от четырех до восьмидесяти и некоторых особо злобных профессоров. Но однажды Анна, та самая, которую они несколько раз азартно отбивали друг у друга, к сожалению — где были наши глаза?! — вовсе не ради ее самой, сказала что-то вроде: «Без тебя Зденек совершенно нормальный, а при тебе вечно начинает выпендриваться так, что тошно становится». Сделал вид, будто не обратил на ее слова никакого внимания, но на самом деле, конечно, ликовал. Надо



же, оказывается, Зденек тоже прикладывает усилия, чтобы меня удивить! Засчитал этот факт как победу вместе с теми школьными задачками по физике. Хотя в глубине души догадывался, что существование этого списка побед само по себе сокрушительное поражение. Нокаут, не по очкам.

Очень много в те годы путешествовали, в основном автостопом — у студентов, даже подрабатывающих всеми доступными способами, редко есть деньги на билеты. Иногда ездили компанией, но чаще отправлялись вдвоем, и это, наверное, самое лучшее, что с ним было, не только во времена их со Зденеком дружбы, а вообще за всю жизнь. Мир оказался безгранично велик, местами обескураживающе красив и так интересен, что можно было временно оставить друг друга в покое. У гор, морей и звездного неба все равно лучше получается изумлять человека, как ни старайся, их не превзойдешь, и это совсем не обидно. Ну, почти не.

Тогда, собственно, и познакомились по-настоящему, уже совсем всерьез. Путешествия дают ответы примерно на те же вопросы, что и школьные драки: кто ты? И кто я, когда я рядом с тобой? — только гораздо более развернутые и подробные.

Интересные ответы, надо сказать.

Когда буквально через месяц после защиты диплома родители погибли в аварии, оставив его с четырнадцатилетней сестрой Лаурой на руинах раз и навсегда рухнувшего мира, сразу позвонил Зденеку. Честно сказал: если можешь, будь рядом, я при тебе сразу начну притворяться великим героем, глядишь, выдержу, не сорвусь. Так и вышло, при Зденеке он отлично держался, и сестренка, глядя на них, более-менее успокоилась — насколько это вообще было возможно. Положа руку на сердце, Зденек их тогда спас — самым фактом

своего существования, не допуская возможности лечь и сдаться, пойти вразнос.

На поминках они не пили — рано было расслабляться. Оставались трезвыми весь вечер и еще три дня, пока не отвезли Лауру в Ригу, к родственникам, которые организовали ей плотную программу с поездками и развлечениями до конца лета. А вернувшись домой, наконец-то надрались как следует, вдвоем, в просторной квартире на улице Агуону, которая, несмотря на оставшуюся от родителей мебель, казалась совершенно пустой.

Вот тогда, на исходе второй бутылки, Зденек горячо зашептал, склонившись к самому уху: «Ты не думай, что их совсем нигде больше нет. Там, после смерти, до фи́га всего интересного, в сто раз больше, чем здесь».

Господи, да ему-то откуда знать?

Тараторил с такой скоростью, словно боялся, что с неба вот-вот спустится ангел в милицейской форме и потащит его в райскую кутузку за разглашение секретных сведений, не дав договорить: «Когда мне было восемь лет, я утонул — совсем, представляешь? Мы тогда жили у моря, я часто удирал купаться с мальчишками из двора, плавать еще толком не научился, а в тот день были сильные волны, и одна... Ай, неважно, в общем, я утонул и умер, и за мной пришли такие отличные сияющие чуваки... или, кстати, чувихи, не знаю, вот уж на что мне тогда было плевать. Они мне очень понравились, обещали отличные приключения, я даже обрадовался, что можно с ними пойти, но тут вспомнил, что нам послезавтра должны оставить дядину собаку на две недели, я с начала лета этого ждал, а вечером по телевизору будет новая серия мультфильма про Черного Плаща, и так стало обидно все это пропустить, что я отпросился. Ну что ты ржешь, действительно отпросился, ты меня знаешь, я, если очень надо, кого угодно могу уговорить, а у моих сияющих чуваков оказался покла-

Дом по адресу Агуону (Агуонс) 18; впродолжении, ночью у черной стены в моей квартире уже давно не живут.

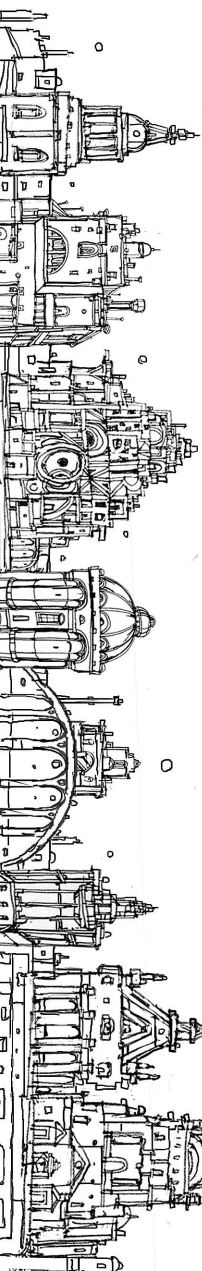


дистый характер, они согласились, что собака — это ужасно важно, и мультфильм интересный, а у них телевизор нет, сказали — ладно, гуляй еще тридцать лет, потом приходи».

Пьян был к тому моменту до изумления. И все еще раздавлен гибелью родителей. Наверное, поэтому так легко поверил в Зденеков гон о сияющих чуваках и прекрасной загробной жизни, которая понравится маме и папе — чего еще можно было желать. И что рыдал в три ручья у него на груди от горя и облегчения, тоже в общем понятно. И теоретически простительно. Но простить себя, конечно, не смог. И Зденека за компанию — что оказался одновременно причиной и свидетелем его слабости. Хотя Зденек никогда, ни при каких обстоятельствах об этом не вспоминал.

Не то чтобы они после этого разговора перестали дружить, но виделись гораздо реже. По объективным причинам, — говорил он себе. Ему тогда пришлось много работать, Лауркина пенсия по утрате кормильцев курам на смех, а почти взрослую девушку надо не только кормить, но и наряжать, и возить на каникулы, и водить к репетиторам, и за все это как-то платить. И дома ее надолго одну не оставишь, и бухать с собой не потащишь, и к себе никого особо не приведешь, сестра-подросток в этом смысле гораздо хуже самых строгих родителей: при ней противным взрослым хмырем, который знает, как лучше и все запрещает, поневоле становишься ты сам. Удивительное превращение, вот уж от себя не ожидал.

Но в глубине души понимал: дело не в сестре и не в двух с половиной работах, ему просто стало тяжело видеть Зденека. И непонятно, как себя с ним вести. После всего, что было, вряд ли получится притворяться веселым, бесшабашным, бесстрашным и легким на подъем. А быть другим при Зденеке не хотел.



...Потом жизнь завертела их окончательно и почти развела. Наступили совсем иные времена, трудные, но и полные удивительных новых возможностей. Он внезапно обнаружил в себе способность зарабатывать настоящие деньги и быстро вошел во вкус, а Зденек тогда как раз всю начал экспериментировать с переменами участи — менял работы чаще, чем женщин, которые у него тоже не слишком задерживались, вечно куда-то уезжал, потом возвращался, звонил, всегда неожиданно, натурально падал на голову, пропахший другими жизнями и веселыми чужими ветрами, неизменно приносил какую-то экзотическую выпивку, травил завиральные байки о своих похождениях, был ему по-прежнему очень дорог, но и безмерно раздражал.

На фоне Зденека сразу начинал снова чувствовать себя тем самым противным взрослым хмырем, в которого когда-то превратился ради сестры; сам понимал, что это не так, у него все отлично, и Зденек восхищенно качал головой, расспрашивая о бизнесе — ну ты даешь, я бы не смог! — но сердцу хотелось совсем другого. Хрен знает чего.

В один из своих приездов Зденек и ввязался в затею с чайным клубом; он не особо верил в успех будущего предприятия, но под руку не каркал, даже помог им с партнером найти подходящий подвал в самом центре, на отличных условиях, в смысле настолько дешево, что сам не ожидал. За помощь получил звание почетного гостя номер один, читай — гарантированное место в любое время; эта привилегия очень пригодилась потом, когда вопреки его пессимистическим прогнозам, в клубе начался постоянный аншлаг.

В те дни они со Зденеком снова стали видаться часто, как прежде, ходил к ним почти каждый вечер, очень полюбил это смешное, пропахшее благовониями место, и ритуал приготовления чая на огне — тихий,



неторопливый, но не лишенный некоторого утонченного пижонства — тоже полюбил. Завороженно смотрел, как со дна прозрачного чайника поднимаются первые пузырьки, как сплетаются в тонкие нити, как постепенно белеет и мутится вода. Белый ключ! — победоносно восклицал Зденек и брался за дело, принимался заваривать чай.

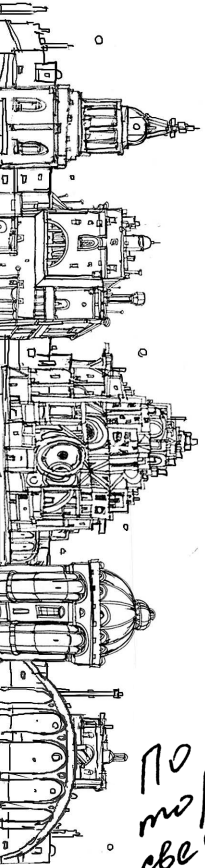
Это было очень красиво. К тому же чай, особенно улун, который почему-то называли не «зеленым», а «бирюзовым» — с какой стати? где там та бирюза? — всегда оказывал на него удивительное воздействие, иногда расслабляющее, иногда, наоборот, бодрящее, чайные мастера говорили, это зависит от множества факторов — сорта чая, времени его сбора, даже текущей фазы луны — но чувствовать себя взрослым хмырем он в любом случае переставал. Всего на пару часов, но и это огромное облегчение, на которое не рассчитывал никогда.

И Зденеку он в эти вечера совсем не завидовал, хотя, по идее, было чему — в полумраке чайного клуба, в китайском шелковом кафтане, склонившийся над подносом с драгоценной посудой, его старый друг и вечный соперник, выглядел легкомысленным юным богом, решившим смеху ради провести каникулы среди людей.

Но потом Зденеку все надоело. Сперва он перестал заваривать чай и занялся закупками, мотался в Китай, приезжал оттуда довольный собой и жизнью, но еще через год заехал по дороге в Индию, решил открыть там хостел на берегу океана и окончательно пропал из виду. Ну как — окончательно. На пару лет пропал.

Чайный клуб никуда не делся, им занимался Зденек-ков приятель. Хуже там, объективно говоря, не стало, и бирюзовый чай по-прежнему оказывал на организм целительное воздействие, но он все равно постепенно перестал туда ходить. Без Зденека никакого смысла — вообще ни в чем.

По мексиканской фотографии свежих фруктов — это был отель в Гонконге, в районе пляжа Калф Мунг Биг (Kalf Mung Beach), где мексиканцы приезжали на отдых на море на берегу и купались на деревьях.



Но все равно как-то жил. Впрочем, почему «как-то»? Очень даже неплохо. Жизнь и без смысла, сама по себе вполне хороша.

Спасаясь от очередного острого приступа отвращения к собственной взрослости, купил мотоцикл, и это было такое прекрасное решение, что долго потом изумлялся, почему не завел его раньше. Мотоцикл оказался таким же хорошим другом, как Зденек. Ну, почти таким же, поговорить с ним все-таки не получалось. Зато он совершенно не раздражал. Не подавлял своим величием — все-таки не человек, а машина, просто хорошая вещь. А внимания и напряжения сил требовал, пожалуй, не меньше, чем их студенческая дружба. И радости приносил не меньше. Каждая поездка была немножко похожа на их со Зденеком путешествия, только гораздо короче. Но два часа счастья настолько больше, чем ничего, что грех роптать.

Зденек тогда как раз снова вернулся, покончив со своей чуть было не удавшейся индийской жизнью. И, конечно, сразу оценил мотоцикл. Смотрел с таким же восторгом, как в тот день, когда он вошел в класс через окно. Попросил разрешения прокатиться и, похоже, всерьез боялся услышать отказ. А через неделю купил себе такой же. Честно признался, что спустил на него почти все деньги, которые успел заработать, и ни о чем не жалеет, кроме того, что не сделал это давным-давно.

Когда узнал, что Зденек погиб, разбившись на своем новеньком мотоцикле, совершенно не удивился, как будто именно такого финала и ждал. Невольно прикинул: в конце зимы Зденеку исполнилось тридцать восемь, так что все сходится, насколько отпустили, столько и погулял. Но легче от этого, конечно, не стало, какое там «легче». Чувствовал себя так, словно умер сам.

